

УДК 321.011, 339.9

КОНКУРЕНЦИЯ МОДЕЛЕЙ СУВЕРЕНИТЕТОВ КАК ОСНОВА ПЕРЕХОДА К ПОСТГЛОБАЛЬНОМУ МИРУ

© 2022 **ЕВСТАФЬЕВ Дмитрий Геннадиевич***

Кандидат политических наук, профессор

Кафедра теории права и государства

Российский университет дружбы народов (РУДН)

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Профессор Института медиа факультета креативных индустрий НИУ ВШЭ

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

***E-mail:** *estd1212@yandex.ru*

© 2022 **МЕЖЕВИЧ Николай Маратович****

Доктор экономических наук, профессор

Институт Европы Российской академии наук

125009, Россия, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3

****E-mail:** *mez13@mail.ru*

Поступила в редакцию 19.02.2022

После доработки 26.05.2022

Принята к публикации 07.07.2022

Аннотация. Вопросы суверенитета представляют собой сложнейший комплекс проблем междисциплинарного характера. Сам термин «суверенитет» не меняется, однако постоянно трансформируется его содержание. Вестфальский мир – важная веха в понимании суверенитета. На рубеже 2021–2022 гг. формируется новая граница в понимании суверенитета. Триумф ресуверенизации очевиден как тем, кто выступает за сохранение прежней модели глобализации, так и тем, кто видит ее закономерный крах. Новый подход к суверенитету означает не только контроль за территорией, но и за информацией, причем это измерение суверенитета становится особо важным. Конкуренция суверенитетов в мире надвигающейся постглобальности носит крайне сложный и противоречивый характер. Конкурируют не только экономики, но и модели суверенитета. Центральный уровень конкуренции суверенитетов – суверенитет пространства против суверенитета надпространственных систем. Национальный суверенитет может быть ре-

ализован только операционным путем. Формальный национальный суверенитет, «суверенитет по умолчанию», определяемый в дискурсе классического международного права, вряд ли останется в политической практике постглобального мира, как и само международное право.

Ключевые слова: суверенитет, международные отношения, ресуверенизация, международное право, информационный суверенитет.

DOI: 10.31857/S0201708322050114

EDN: gnbdnх

Современные глобальные трансформации как вызов принципам суверенитета

Концепция национального суверенитета вестфальской модели устарела. Сложность и многополярность мира вновь стала более очевидной [Шамахов, Межевич, 2021: 10–15]. В современных условиях пространственный мир монополярным быть не может из-за разнообразия географических условий, в силу структурных особенностей развития мировой экономики, состояния международных отношений.

Противоречия, сформировавшиеся в системе глобальной политики и экономики, признаны настолько серьезными, что обсуждаются весьма радикальные методы выхода из тупика [Schwab, Malleret, 2020]. Очевидно, что состояние стагнации (неприятное, но ставшее уже привычным) начинает разрушаться в связи с разнонаправленной активностью различных геополитических и геоэкономических игроков.

Геополитические и особенно геоэкономические трансформации в условиях разнородной конкуренции суверенитетов существенно меняют понимание сущности макрорегионов, формировавшееся в последние годы на волне глобализации с опорой на транснациональные корпоративные структуры [Зевин, 2016: 26–33]. Особенно это относится к явлению, которое авторы называют «ТНК в сфере информации» – *Facebook*¹ и т.д. Процесс осмысления макрорегионов как формы практической и экономически оправданной реализации принципов «коалиционной полицентричности» только начался. Значительная часть западной элиты мыслит дальнейшее развитие глобального мира через механизмы контролируемой геоэкономической регионализации [Ергин, 2021], что следует рассматривать и как европейский путь. Возможно, это и есть переход от универсальной рыночной экономики к «капитализму платформ» [Срничек, 2020].

Пандемия резко подхлестнула изменения, начавшиеся до неё, а надежды, что после падения (не только экономического) случится быстрый отскок, прожили недолго. «Кажется, исчерпанность прежнего пути окончательно осознана. Отскакивать будем куда-то в другую сторону. Пора размышлять, куда» [Лукиянов, 2022: 5]. Эта ситуация характеризовалась накоплением противоречий между ведущими акторами и замедлением всех основных процессов системных трансформаций при

¹ С 4 марта 2022 г. социальная сеть *Facebook* (запрещенная в России экстремистская организация) заблокирована Роскомнадзором на территории РФ (прим. редакции).

практически полном торможении институционализации, т.е. организационного оформления новых тенденций в глобальном и региональном развитии, наличие которых признается ведущими экспертами [Глобальное..., 2021; Барабанов и др., 2020].

В самом конце 2021 г. в публичном политическом пространстве начали объяснять внешнюю стагнацию хаотизацией, что породило целый ряд «новых – старых» концептов упорядочивания глобальных процессов. Наиболее заметным из них была идея «трехполярного мира»¹ и восстановления «сфер влияния», в свою очередь, обнулявших все более ранние концепты мироустройства². Это привело систему международных отношений к очевидному концептуальному и институциональному вакууму, признаваемому даже в среде американских глобалистов в качестве критического вызова для системы государственного управления³.

Важнейшим условием способности государства играть значимую роль в мировых делах уже в условиях «предхаоса» была надстройка «суверенитета, предоставленного “снаружи” международным признанием, а суверенитетом “внутри” – в виде способности государства осуществлять власть на всей своей территории» [Международные..., 2022: 3]. Это уже было проблемой для ряда государств.

Именно о необходимости обновленного целостного понимания принципов суверенитета в постглобальном мире, невозможности сохранения «частичных суверенитетов» говорил президент В.В. Путин в июне 2022 г. на Петербургском международном экономическом форуме: «Все его [суверенитета] элементы одинаково важны, они усиливают, дополняют друг друга. Поэтому нам важно не только отстаивать свой политический суверенитет, национальную идентичность, но и укреплять всё то, что определяет экономическую самостоятельность страны, её финансовую, кадровую, технологическую самостоятельность и независимость»⁴.

Суверенитет – источник прав, вытекающий из природы государств, а это предполагает, что необходимо уважать территориальную целостность и обеспечивать хотя бы формальную политическую независимость стран. Существование суверенных государств де-юре гарантировало современное международное право и между-

¹ Naas R., Kupchan Ch. (2021) The New Concert of Powers. How to Prevent Catastrophe and Promote Stability in a Multipolar World. *Foreign Affairs*, Internet source. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-03-23/new-concert-powers> (дата обращения: 01.06.2022)

² Среди них отметим «миросистемность» [Валлерстайн, 2018], «глобализацию разных скоростей», по сути, – разных основ экономического роста [Спенс, 2013]. Нельзя пройти мимо концептов мироустройства в духе позднего политического реализма, главным представителем и вдохновителем которых был Г. Киссинджер [2013].

³ Cohen Eliot A. (2022) The Return of Statecraft. Back to Basics in Post-American World. *Foreign Affairs*, Internet source. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2022-04-19/return-statecraft> (дата обращения: 01.06.2022)

⁴ Путин В.В. Выступление на Пленарном заседании Петербургского международного экономического форума. 17.06.2022. Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68669>.

народные организации, но на практике это положение базировалось на биполярности мира. Реально защиту мог обеспечить только «свой» блок.

Ситуация с практическим наполнением суверенитетов кардинально изменилась после распада биполярной системы. К середине 1990-х гг. оценку классическому пониманию суверенитета дал Ф. Фукуяма: «Экономические силы ранее породили национализм, заменяя класс национальными барьерами, создавая централистское гомогенизированное в языковом плане сообщество. Те же самые экономические силы ведут к устранению национальных барьеров путем сотворения интегрированного мирового рынка». Казалось, что это приговор классическому пониманию суверенитета [Fukuyama, 1997: 275], но уже к 2007–2009 гг. стало ясно, что это приговор концепции Фукуямы. Его логика состоит в том, что государства добровольно передают свои полномочия наднациональным институтам под руководством возникающей транснациональной элиты, а это и есть интеграция, меняющая подходы к теории и практике суверенитета. Однако сегодня тезисы Фукуямы требуют принципиально важного уточнения. Больше нет единых «экономических сил», принцип Киплинга «каждый сам за себя» относится не только к наднациональным, но и национальным экономическим акторам.

Фундаментальная проблема сегодняшней системы международных отношений сравнительно прозрачна: постпространственный и постисторический мир размытых суверенитетов мог существовать в условиях очевидного лидерства США как государства, продиктовавшего правила, которые были приняты с разной степенью энтузиазма всюду [Фукуяма, 2017]. Такая модель в классической форме – это отказ от суверенитета как исторически конкретного явления, требовательного к географическим границам, историческим обоснованиям и нуждающегося в постоянной информационной поддержке.

Уточнение понятия

Авторы рассматривают понятие «суверенитет» исключительно в прикладном операционном плане, понимая под ним способность той или иной структуры обеспечивать соблюдение в каждый момент времени установленные ею правила экономического, политического и социального поведения, в особенности ограничительные меры без применения механизмов прямого силового принуждения. Операционный пространственный суверенитет является феноменом, признаваемым крупнейшими участниками политических и экономических процессов в конкретном пространстве «по умолчанию».

Необходимо поставить вопрос о «непространственном суверенитете», т. е. о способности обеспечивать национальную регулятивность в сферах социального, политического и экономического взаимодействия, в том числе не связанных непосредственно с территорией страны. Превращение вопроса о суверенитете, его практическом – операционном – содержании в центральный вопрос глобального развития является абсолютно естественным процессом, проистекающим из трех сопряженных элементов:

– Очевидной необходимостью найти формат сосуществования пространственного и постпространственного мира, который, вероятно, будет относительно длительным, если в результате критического развития ситуации не произойдет полный распад институциональной структуры современного мира. Возникнет ситуация «симбиотической архитектуры» внешней политики и, в особенности, экономических интересов, что превращает вопрос о «неприкасаемых» зонах интересов, т. е. о пространствах и внепространственных институтах (технологических узлах, цепях поставок, а также регулировании информационных полей) в самостоятельную проблему.

– Суверенность того или иного государства становится вопросом до известной степени перцептивным: суверенитет существует там (пространственно) и тогда (ситуативно), где он признается другими внешними игроками. Это, вероятно, является следствием относительно длительного состояния мировой политики и экономики, когда сфера коммуникаций выступала в качестве доминирующей сферы взаимодействия государств и обществ, и любой политический и/или юридический феномен должен получить свое коммуникационное подтверждение. Этот аспект был усилен деинституционализацией мировой политики. Институционального пространства для несилового, «мягкого» проявления суверенитета сейчас уже почти нет. При этом очевидны казусы внешнего управления суверенитетом [Евстафьев, 2019: 98–110]. Неизбежно возникнут некие «серые зоны», где даже формально признанный суверенитет придется доказывать на практике.

– Проблема социальной атомизации поставила под вопрос традиционное представление о том, что источником суверенитета является народ, который в постмодерне просто не предусмотрен как базовая социальная единица.

Таким образом, суверенитет превращается в релятивистскую сущность, в большей степени зависящую от внешних факторов (включая контекст своего обозначения), нежели от внутригосударственных формально-юридических обстоятельств. Одновременно суверенитет становится ситуативным, т. е. будет требовать постоянного подтверждения в формах, доступных внешним партнерам (а не обществу и политической элите). Феномен флюидного суверенитета отражает прогнозное состояние глобальной политики и экономики, проходящих через очевидный системный кризис.

Представляется возможным выдвинуть следующую гипотезу: в условиях сохранения неопределенности относительно магистрального пути развития мировой политики и экономики, сохранения динамического трехвекторного равновесия между тенденциями регионализации, сохранения отдельных элементов глобализации и сетевизации, вопрос о суверенитете и способности государств его обеспечивать становится одним из важнейших аспектов развития системы глобальной политики.

Таким образом, на ближайшую перспективу борьба за право на практическое, а не только декларативное проявление национального суверенитета становится важнейшим направлением конкуренции не только для глобальных лидеров, но и ревизионистских держав «второго ряда».

Вышеизложенное ставит на повестку дня следующие принципиальные вопросы:

- Какие основные противоречия возникают вокруг вопроса о суверенитете применительно к сформировавшимся узлам геополитических и геоэкономических трансформаций?
- Как будет выглядеть структура и содержание того, что можно было бы назвать «практическим суверенитетом» применительно к современному этапу активных геоэкономических трансформаций?
- Каковы будут форматы организации и реализации политического суверенитета?
- Как изменились источники и носители суверенитета в постглобальную эпоху с учетом сочетания пространственности и надпространственности (глобальности) в важнейших институциональных системах?

Конкуренция суверенитетов: многоуровневость феномена

Конкуренция суверенитетов в мире надвигающейся постглобальности носит крайне сложный и противоречивый характер. Пространство, где развивается конкуренция суверенитетов в настоящее время совершенно иное, нежели в XIX веке (эпоха колониального преиндустриального модерна), в первой трети XX века (индустриальный империализм) и даже в послевоенный период, характеризовавшийся переходом к постиндустриальному постмодерну.

Постглобальный период развития мировой политики и экономики характеризуется сосуществованием различных моделей организации политических и экономических процессов и разрушением не только принципа универсальности моделей развития (что очевидно), но и синергичности развития, что предопределяет возникновение значимых системных диспропорций. Это приводит к тому, что в понятие «суверенитет» вкладывается различное содержание не только с точки зрения методологического и правового толкования, но и с точки зрения политико-правового использования.

На сегодняшний день мы видим несколько слоев конкуренции суверенитетов:

- Центральный уровень «конкуренции суверенитетов»: суверенитет пространства против суверенитета надпространственных систем.

Особенность данного слоя конкуренции заключается в изначально разностатусном противостоянии (государство являет собой суверенитет комплексный, что особенно проявляется в сфере внешней политики и национальной безопасности). Надпространственные, межгосударственные системы изначально нацелены на суверенитет секторальный, в какой-то специфической сфере (в последние 40 лет, а особенно в последние 20 лет становятся проявлением всеобъемлющего противостояния). Надпространственные системы (межгосударственные организации, союзы и проч.) начинают претендовать на универсальность. Это и сделало данный слой противостояния суверенитетов наиболее заметным и основным противоречием современного мира на этапе перехода от постпространственности к системе отноше-

ний, существенно больше опирающейся на принципы пространства, а значит, суверенитета.

Особой формой конкуренции является спор о традиционных подходах к пространственному суверенитету в сфере международных отношений и новых концепциях, таких как «смерть расстояния» (*“death of distance”*), «мир без границ» (*“borderless world”*), «конец географии» (*“the end of geography”*). Все эти концепции отражают верные и выверенные тенденции, имеющие прямое отношение к теории РКБ (региональных комплексов безопасности).

- Национальный суверенитет против суверенитета коалиций особенно проявился в последние 2–3 года применительно к Евросоюзу. Наиболее очевидными были прямые противоречия по поводу политического суверенитета между наднациональными структурами (сформированные на основе непрямой демократии, а в ряде случаев и прямо по принципу кооптации, более характерному для недемократических режимов) и национальными органами власти, действующими в рамках «остаточной публичной демократии».

- Необходимо обратить особое внимание на европейскую специфику проблемы конкуренции суверенитетов в разрезе национального суверенитета против суверенитета коалиций. Именно Европа стала по ряду объективных и субъективных причин (главным образом в силу деградации национальных элит) местом, где данные противоречия проявились с наибольшей остротой и динамикой. О том, что в Европе существуют конкурирующие подходы к пониманию суверенитета на национальном и наднациональном уровнях принятия решений, написаны десятки работ. Еще пандемия показала, что в кризисной ситуации речь может идти не только о суверенитете Европы, но и о «Европе суверенитетов». «Способность отдельных стран – членов ЕС справиться с многогранным кризисом, скорее, подтверждает идею о переосмыслении на новом уровне национального суверенитета и его ценности. Справедливо также и то, что в ближайшем будущем возникнет потребность не только в «новой ответственности», но и в «новой управляемости» [Европа в поиске новых решений, 2020: 12]. Особых способностей коллективно справиться с кризисом не было продемонстрировано. Более того, борьба за новую управляемость превратилась в борьбу против собственного европейского информационного суверенитета. «ЕС порой не в силах заставить собственные государства-члены согласовать позиции, соблюдать правовую дисциплину, продемонстрировать приверженность общим ценностям» [Кондратьева, 2021: 22]. Более того, европейская реакция на специальную военную операцию также показала, что несмотря на масштабное принуждение и массированную кампанию дезинформации национальные партии в отличие от партийных групп в Европарламенте сохраняют специфику своего отношения к ключевым проблемам современности. Впрочем, даже «в партиях, представленных в Европейском парламенте, существуют разные точки зрения в отношении европейского суверенитета и идентичности» [Белов и др., 2018: 9].

Важным и методологически интересным примером нового понимания сочетания национального суверенитета и суверенитета коалиций является современная трактовка проекта «Междуморья» («Интермарум»). Фактически речь идет о воз-

возможности распространения модели запараллеливания суверенитетов, например, параллельные суверенитеты Украины и Польши над некоторыми территориями.

- Суверенитет «суши» против суверенитета остальных сред, прежде всего, «моря».

Противостояние «суверенитета суши» «свободе моря» является основным и проявляется в практической плоскости, например, в действиях США по практической реализации толкования «принципов свободы мореплавания». Укажем и на ситуацию вокруг Тайваня. Уже сейчас отчасти можно говорить о том, что пространство моря превращается в территорию политической и правовой хаотизации [Урбина, 2021]. Вопросы практической, по сути политической реализации принципов суверенности в других средах (космос, околоземное пространство, воздушное пространство) также медленно выходят на первый план. Суверенитет государства конкурирует с суверенитетом «пространства корпоративного управления». Определённый аспект этой проблемы характерен и для практик ЕС.

«Корпоративный суверенитет» всегда был в основе своей «секторальным», но имел в том числе пространственное выражение (Британская Ост-Индская компания, крупные корпорации времен индустриального колониализма и неоколониализма в Азии и Африке и проч.). На сегодняшний день это противоречие суверенитетов является узконаправленным, проявившись в наиболее яркой форме в последнее время в противоречии между государством и корпорациями в сфере управления глобальным информационным пространством. Этот аспект конкуренции суверенитетов будет одним из фундаментальных, если сценарий развития глобальной политической и экономической системы пойдет по модели «неоглобализации». При любых ее интерпретациях «точкой сборки» станет глобализированное информационное общество. Вопрос о приоритете в его регулировании будет ключом к доминированию надпространственных компонентов неоглобального мира¹², включая такие принципиальные темы, как информационная поддержка «остатков» глобализации.

Предположение авторов сводится к следующему: государство в актуальной версии, ставшее производным от постиндустриального постмодерна, принципиально не может победить корпорации, находясь с ними в симбиотическом взаимодействии. Корпорации через институты формальной демократии способны оказывать значительное влияние на политику органов государственной власти, которую нельзя ограничить в рамках системы политической демократии. Вопрос о противоречиях корпоративного и государственного суверенитета в принципе не может быть решен в рамках существующей социально-экономической модели развития.

¹ Webster G., Sherman J. (2018). The Fall and Rise of Techno-Globalism. Democracies Should Not Let the Dream of the Open Internet Die. *Foreign Affairs*, Internet source. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-10-28/fall-and-rise-techno-globalism> (дата обращения: 01.06.2022)

² Slaughter M., McCormick D. (2021). Data Is Power. Washington Needs to Craft New Rules for the Digital Age. *Foreign Affairs*, Internet source. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-04-16/data-power-new-rules-digital-age> (дата обращения: 01.06.2022)

- Суверенитет человека против суверенитета государства.

Этот аспект «конкуренции суверенитетов» пока недооценен, поскольку считается, что процессы социальной атомизации приведут к постепенному распаду общества как социально-политического, т. е. государствообразующего феномена, источника власти и опоры государственного суверенитета. Этот подход является продолжением линии на демонтаж принципов «общественного договора» как системной основы развитых капиталистических обществ [Стэндинг, 2014]. Мир развитой глобализации мыслился как мир взаимодействия элит, которым суверенитет государства и общества не нужен, но необходим суверенитет элит, в особенности наднациональных. Возникает ощутимый разрыв в «каскаде суверенитетов», создающий пространство для развития суверенитетов субгосударственных структур, замещающих собой государство в качестве центрального регулятора социальной жизни человека и большинства типов социальных групп, включая «малые» и «большие» семьи, землячества, системы отношений, построенные по принципу социальной общности и проч.

Выводы

С учетом многоуровневой конкуренции суверенитетов правомерно предположить её многоформатность и разнотемповость. В совокупности главным предположением становится неизбежность длительного переходного периода к состоянию устойчивого постглобального мира. «Мир, основанный на правилах», о чем достаточно давно говорят в США, был с удивительной легкостью принят в Европе. При этом игнорировалось очевидное: США – самостоятельная страна, а ЕС – интеграционное объединение. Соответственно, трактовка правил может отличаться. Такой мир возможен только в формате ситуативности, даже если эти «правила» будут формально зафиксированы. Чем выше динамика европейских процессов, тем более волатильны эти «правила».

Отметим пять обстоятельств, определяющих не только геополитическую, но и геоэкономическую картину глобальных трансформаций и глобальной конкуренции:

Первое. *Гибридность суверенитета.* Суверенитет не может быть только экстравертным явлением, обращенным в сферу международных отношений. Суверенитет, его понимание элитами и обществами всегда будут находиться под влиянием факторов текущей политической конъюнктуры и иметь существенное внутреннее проявление [Ильницкий, Ленченко, 2020: 70–75], что предполагает целостность подходов как внутри страны, так и на ее внешнем контуре (причем не только в политико-юридических декларациях, но и практической политике). Фактор гибридности суверенитета, однако, предполагает и интеграцию максимального объема операционного пространства даже при условии «не отрицания» иных суверенитетов, особенно в случае формирования высококонкурентных «серых зон» вокруг того или иного государства.

Второе. *Прикладной характер суверенитета.* Национальный суверенитет может быть реализован, только становясь операционно обеспечиваемым. Формальный

национальный суверенитет, «суверенитет по умолчанию», определяемый в дискурсе классического международного права, вряд ли останется в политической практике постглобального мира, как и само международное право. Суверенитет должен быть «защищаемым», причем широким спектром политических, управленческих, социальных и силовых инструментов, без которых оказалось принципиально невозможным обеспечить даже санитарную защищенность.

Третье. *Коллективный характер суверенитета.* Конкурентоспособность государств мира будет определять их способность обеспечить устойчивость пространства вокруг себя, что можно сделать только в условиях формирования коалиций с унифицированным до известной степени пониманием суверенности и принципов политического и экономического взаимодействия. Суверенитет должен иметь потенциал коалиционности (коллективности), т. е. признаваемости за пределами одного национального государства. Коалиционный суверенитет должен быть относительно универсальным, выходить за рамки отраслевого регулирования. С этой точки зрения идеи достижения «секторальных» межгосударственных соглашений о коллективно признаваемых правилах игры отражают принципиально устаревшую реальность.

Четвертое. *Интегрированный характер.* Национальный суверенитет должен иметь не только пространственное выражение, обеспечивать прозрачность и управляемость «правил игры» применительно к пространству, но и регулировать «запространственные» элементы мировой политики и экономики. Например, финансовую деятельность зарегистрированных в России экономических структур, коммуникаций на внешних площадках, отраслевую арбитражность. Последнее подразумевает вывод из-под юрисдикции международных судов вопросов, связанных с деятельностью крупнейших российских экономических структур за рубежом.

Пятое. *Сочетание пространственности и секторальности.* Суверенитет должен обеспечивать не только контроль пространства и монополию государства на установление на нем «правил поведения», но и обеспечения устойчивости критических экономических систем, когда часть их технологических узлов (и узлов «добавленной стоимости») может находиться за пределами контролируемого в рамках чисто национального суверенитета пространства. Складывается ситуация, когда прежние подходы к разделению труда и формированию сверхдлинных технологических цепочек с вынесенными за пределы национальной юрисдикции важнейшими узлами формирования прибыли, перестают считаться адекватными новой геоэкономической ситуации.

Узловая геоэкономическая взаимозависимость – феномен эпохи поздней глобализации, когда некая значимая в геоэкономическом плане большая система создает критические условия для функционирования нескольких глобально значимых отраслей экономики. Ее выход из строя или резкое изменение характера функционирования может спровоцировать эффект домино¹.

¹ Подобные системы сформировались в сфере добычи природных ископаемых (редкоземельные металлы), энергетического сырья (например, в добыче и обогащении урана), логистике (обеспечение устойчивости мировой торговли, включая и финансовую составляющую).

В современном мире именно Европа будет камертоном звучания постглобализации. Достижение этой задачи будет иметь существенные последствия для организации пространства европейской и мировой торговли и глобальных торговых расчетов. Иными словами, модель суверенитета будет создавать (или препятствовать) интеграции в новую постглобальную экономику.

Важнейшим фактором обеспечения национального суверенитета должен стать информационный суверенитет, то есть формирование контролируемых национальным государством механизмов защиты от внешнего информационного воздействия. Информационное пространство будет в течение относительно длительного времени оставаться наиболее востребованным пространством конкуренции. Степень конкуренции будет весьма жесткой именно в Европе. Так, британская информационная политика не только антироссийская: она и антигерманская, и антиевропейская, а в ряде случаев и конкурентная американской.

Суверенизация информационного пространства становится важнейшим направлением развития системы глобальных и европейских политических и экономических отношений. Политические процессы и информационные практики Европы лишь на самый первый взгляд выглядят едиными. На самом деле борьба за суверенитет в информационной сфере продолжается независимо от ситуации на востоке Старого Света.

Постепенно возникает понимание, что причины европейских проблем заключаются в расколоте «информационном щите» при отсутствии эффективного «информационного меча». Единственное исключение – консолидация общеевропейского суверенитета на антироссийской основе. Ослабление политической и экономической гегемонии Европы приводит к пространственной и надпространственной конкуренции суверенитетов между европейскими странами и конкуренции суверенитетов остального мира и Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барабанов О.Н., Бордачёв Т.В., Лисоволик Я.Д., Лукьянов Ф.А., Сушенцов А.А., Тимофеев И.Н. (2020) Не одичать в «осыпающемся мире». Международный дискуссионный клуб «Валдай», Москва. 28 с.

Белов В.Б., Журкин В.В., Потемкина О.Ю., Шумилин А.И. (2018) *Защита государственного суверенитета – опыт Евросоюза и европейских стран*: [монография]. Отв. ред. В.Б. Белов. ИЕ РАН. «Весь Мир», Москва. 203 с.

Европа в поиске новых решений (2020) [монография]. Отв. ред. Р.Н. Лункин, П.В. Осолков. ИЕ РАН, Москва. 140 с. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report52020_372

Валлерстайн И. (2018) *Миросистемный анализ: Введение*. Пер. с англ. Вступительная статья и приложения – Г. М. Дерлугьяна. УРСС: ЛЕНАНД, Москва. 304 с.

Глобальное управление: кризис или трансформация? (2021) (Мировое развитие. Выпуск 22). Под ред. А.А. Алешина, Ю.А. Барониной, А.Р. Борисовой и др. ИМЭМО РАН, Москва. 225 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0590-1

ющую), производстве отдельных компонентов (чипы), коммуникациях (технологическая устойчивость маршрутизаторов интернета).

- Евстафьев Д.Г. (2019) Информационные манипуляции и государственный суверенитет: риски для России. *Гражданин. Выборы. Власть*. № 2. С. 98–110.
- Ергин Д. (2021) *Новая карта мира: Энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций*. Перевод с англ. Интеллектуальная литература, Москва. 444 с.
- Зевин Л. (2016) Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве. *Мировая экономика и международные отношения*, Т. 60. № 8. С. 26–33. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-8-26-33>
- Ильницкий А.М., Ленченко М.К. (2020) Социальная империя как инструмент психологической обороны Российской Федерации. *Военный академический журнал*, № 2. С.70–75.
- Киссинджер Г. (2017) *Мировой порядок*. Пер. с англ. АСТ, Москва. 312 с.
- Кондратьева Н.Б. (2021) ЕС и ЕАЭС: параллельными курсами на цифровую трансформацию. *Европейская аналитика 2021*. Под общ. ред. К.Н. Гусева, ред. кол.: Ал.А. Громыко (предс.) [и др.]. ИЕ РАН, Москва; Нестор-История, Санкт-Петербург, Россия. С. 23–35. DOI 10.15211/978-5-98163-178-8.03.
- Лукиянов Ф.А. (2022) Отскок в сторону. *Россия в глобальной политике*. Т. 20. № 1. С. 5. Международные угрозы – 2022. Перехват инициативы. (2022) МГИМО МИД, Москва. 48 с.
- Спенс М. (2013) *Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях*. Пер. с англ. Изд-во Института Гайдара, Москва. 336 с.
- Срничек Н. (2020) *Капитализм платформ*. Перевод с англ. и научная редакция М. Добряковой. 2е издание. ИД ВШЭ, Москва. 128 с.
- Стэндинг Г. (2014) *Прекариат: новый опасный класс*. Пер. с англ. Ад Маргинем Пресс, Москва. 328 с.
- Урбина И. (2021) *Океан вне закона: Работоторговля, пиратство и контрабанда в нейтральных водах*. Пер. с англ. Альпина нон-фикшн, Москва. 776 с.
- Фукуяма Ф. (2017) *Угасание государственного порядка*. АСТ, Москва. 704 с.
- Шамахов В.А., Межевич Н.М. (2021) Глобализация 3.0 или новая регионализация: к вопросу об этапности мирового развития. *Управленческое консультирование*. № 3. С. 10–15.
- Fukuyama F. (1997) *The End of History and the Last Man*. New York. P. 456.
- Schwab K., Malleret Th. (2020) *COVID-19: The Great Reset*. World Economic Forum, Geneva. P. 212.

Competition of Sovereignty Models as a Basis for the Transition to a Post-Global World

D.G. Evstafiev*

Candidate of Science (Politics), Professor

Department of Theory of Law and State

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

6, Miklukho-Maklaya Street, Moscow, Russia, 117198

*Professor of the Institute of media of the Faculty of Creative Industries
of the Higher School of Economics*

20, Myasnitskaya Street, Moscow, Russia, 101000

***E-mail: estd1212@yandex.ru**

N.M. Mezhevich**

Doctor of Science (Economics), Professor

Chief Researcher of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

****E-mail: mez13@mail.ru**

Abstract. Sovereignty issues are a complex set of problems of an interdisciplinary nature. The meaning of the term “sovereignty” has not changed but its content is constantly evolving. The Peace of Westphalia has been a recognized milestone in the understanding of sovereignty. However, at the turn of 2021–2022 we witnessed another milestone in understanding of sovereignty. The triumph of re-sovereignty is obvious both to those who advocate the preservation of the former model of globalization and to those who see its natural collapse. The new approach to sovereignty means not only control over territory, but also over information, and this dimension of sovereignty is becoming particularly important. Sovereignty is a historically concrete phenomenon. The legal norms of the post-war era assumed that States were legally equal, and their political independence was not openly disputed. This approach is outdated. Today, the competition of sovereignties in the world of post-globalization is extremely complex and contradictory since not only economies compete, but also models of sovereignty. The central level of the “competition of sovereignties” is the sovereignty of space versus the sovereignty of supraspace systems. National sovereignty can be implemented only if it is operationally secured. Formal national sovereignty, “default sovereignty”, defined in the discourse of classical international law, is unlikely to remain in the political practice of the post-global world, as well as international law *per se*. Sovereignty should be protected, using a wide range of political, managerial, social and power tools, otherwise it would be fundamentally impossible to provide any form of protection of society and the state.

Key words: sovereignty, spatial world, globalization, macroregions, post-space.

DOI: 10.31857/S0201708322050114

EDN: gnbnx

REFERENCES

Barabanov O.N., Bordachyov T.V., Lisovolik Ya.D., Luk`yanov F.A., Sushenczov A.A., Timofeev I.N. (2020) Ne odichat' v «osy`payushhemsya mire» [Do not run wild in the "crumbling world"]. *Mezhdunarodny`j diskussionny`j klub «Valdaj»*, Moscow. 28 p. (in Russian).

Belov V.B., Zhurkin V.V., Potemkina O.Yu., Shumilin A.I. (2018) *Zashhita gosudarstvennogo suvereniteta – opy`t Evrosoyuza i evropejskix stran* [Protection of state sovereignty – the experience of the European Union and European countries]: [monografiya]. Otv. red. V.B. Belov. IE RAN. «Ves` Mir», Moscow. 203 p. (in Russian).

Ergin D. (2021) *Novaya karta mira: E`nergeticheskie resursy`, menyayushhijsya klimat i stolknovenie nacij* [A new map of the World: Energy resources, changing climate and the Clash of Nations]. *Perevod s angl. Intellektual`naya literature*, Moscow. 444 p. (in Russian).

Evropa v poiske novy`x reshenij [Europe in search of new solutions]: [monografiya]. (2020) Otv. red. R.N. Lunkin, P.V. Oskolkov. IE RAN, Moscow. 140 p. (in Russian). DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report52020_372

Evstaf`ev D.G. (2019) *Informacionny`e manipulyacii i gosudarstvenny`j suverenitet: riski dlya Rossii* [Information manipulation and state sovereignty: risks for Russia]. *Grazhdanin. Vy`bory`. Vlast`*. No 2, pp. 98–110 (in Russian).

Evstaf'ev D.G. (2021) Predxaos kak srednesrochnoe sostoyanie global'noj politiki i e'konomiki. E'konomicheskie strategii. No 1, pp. 22–29 (in Russian).

Fukuyama F. (1997) *The End of History and the Last Man*. New York. 456 p.

Fukuyama F. (2017) Ugasanie gosudarstvennogo poryadka [The extinction of the state order]. AST, Moscow. 704 p. (in Russian).

Global'noe upravlenie: krizis ili transformaciya? [Global Governance: Crisis or Transformation?] (2021) (Mirovoe razvitie. Vy'pusk 22). Pod red. A.A. Aleshina, Yu.A. Baroninoy, A.R. Borisovoj i dr. IME`MO RAN, Moscow. 225 p. (in Russian). DOI: 10.20542/978-5-9535-0590-1

Il'niczkij A.M., Lenchenko M.K. (2020) Social'naya imperiya kak instrument psixologicheskoy oborony` Rossijskoj Federacii [Social empire as a tool of psychological defense of the Russian Federation]. *Voenny'j akademicheskij zhurnal*. No 2, pp. 70–75/ (in Russian).

Kissindzher G. (2017) Mirovoj poryadok [World Order]. Per. s angl. AST, Moscow. 312 p. (in Russian).

Kondrat'eva N.B. (2021) ES i EAE`S: parallel'ny`mi kursami na cifrovuyu transformaciyu. Evropejskaya analitika 2021 [The EU and the EAEU: parallel courses for digital transformation. European Analytics 2021]. Pod obshh. red. K.N. Guseva, red. kol.: Al.A. Gromy`ko (preds.) [i dr.]. IE RAN, Moscow; Nestor-Istoriya, Sankt-Petersburg, pp. 23–35. (in Russian). DOI 10.15211/978-5-98163-178-8.03.

Luk'yanov F.A. (2022) Otskok v storonu. Rossiya v global'noj politike [Rebound to the side. Russia in Global Politics]. Vol. 20. No 1, p. 5. (in Russian).

Mezhdunarodny'e ugrozy` – 2022. Perexvat iniciativy` [International threats – 2022. Interception of the initiative]. (2022) MGIMO MID, Moscow. 48 p. (in Russian).

Schwab K., Malleret Th. (2020) *COVID-19: The Great Reset*. World Economic Forum, Geneve. 212 p.

Shamaxov V.A., Mezhevich N.M. (2021) Globalizaciya 3.0 ili novaya regionalizaciya: k voprosu ob e'tapnosti mirovogo razvitiya [Globalization 3.0 or new regionalization: on the question of the stages of world development]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. No 3, pp. 10–15. (in Russian).

Spens M. (2013) Sleduyushhaya konvergenciya. Budushhee e'konomicheskogo rosta v mire, zhivushhem na razny`x skorostyax [The next convergence. The future of economic growth in a world living at different speeds]. Per. s angl., Izd-vo Instituta Gajdara, Moscow. 336 p. (in Russian).

Srnichek N. (2020) Kapitalizm platform [Platform Capitalism]. Perevod s angl. i nauchnaya redakciya M. Dobryakovoj. 2e izdanie. ID VShE`, Moscow. 128 p. (in Russian).

Ste`nding G. (2014) Prekariat: novy`j opasny`j klass [Precariat: A New Dangerous Class]. Per. s angl. Ad Marginem Press, Moscow. 328 p. (in Russian).

Urbina J. (2021) Okean vne zakona. Rabotorgovlya, piratstvo i kontrabanda v nejtral'ny`x vodax [The ocean is outlawed. Slave trade, piracy and smuggling in neutral waters]. Per. s angl. Al'pina non-fikshn, Moscow. 776 p. (in Russian).

Vallerstajin I. (2018) Mirosistemny`j analiz: Vvedenie. Per. s angl. Vstupitel'naya stat'ya i prilozheniya – G.M. Derlug`yana [World system analysis. Introduction. Translated from English. Introductory article and appendices – G.M. Derlugyan]. URSS: LENAND, Moscow. 304 p. (in Russian).

Zevin L. (2016) Megaregiony` v globaliziruyushhemsya xozyajstve [Megaregions in a globalizing economy]. *Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya*. Vol. 60. No 8, pp. 26–33. (in Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-8-26-33>